

*В.А. Погосян**

К ВОПРОСУ О ПОЛЕМИКЕ АЛЬБЕРА МАТЬЕЗА С СОВЕТСКИМИ ИСТОРИКАМИ

Альбер Матьез (1874–1932), выдающийся исследователь Французской революции XVIII в., занимает особое место в пантеоне ее историков. Ж.-Р. Сюратто по праву называл его одним из пяти крупнейших в XX столетии специалистов по этой тематике, наряду с А. Оларом, Ж. Лефевром, Ж. Годшо и А. Собулем¹. О нем написано много работ, в том числе биографическое исследование американского историка Дж. Фригулиетти². О весомом вкладе Матьеза в изучение Французской революции красноречиво свидетельствуют переводы его книг на иностранные языки, сделанные еще при его жизни, и посмертные переиздания его трудов, в том числе на русском языке³.

Однако жизнь на долю Матьеза выпала трудная. В памяти современников он остался человеком глубоко принципиальным, неуступчивым и самостоятельным, одаренным неординарным мышлением и вспыльчивым характером. Он имел репутацию «профессора с пикой» и чудака, избегающего проторенных путей в науке. Ближайший ученик Матьеза Годшо именовал его «дунайским крестьянином»⁴, имея в виду героя одной из басен Лафонтена, выступившего в сенате Древнего Рима с обличительной речью⁵. Не удивительно, что жизненный путь историка был усеян скорее терниями, чем цветами. Его незаурядная личность раздражала тех посредственностей, которыми он был окружен⁶, а его приход в Сорбонну оказался связан с преодолением многочисленных препон: лишь в 1926 г. Матьеза пригласили туда работать на место Ф. Саньяка, уехавшего в Египет.

Матьез приветствовал Февральскую революцию в России: созданное и возглавлявшееся им Общество робеспьеристских исследований отправило Государственной думе России свои поздравления⁷. С одобре-

* *Варужан Арамозович Погосян, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института армяноведческих исследований Ереванского государственного университета.*

¹ *Suratteau J.-R.* Jacques Godechot et le Directoire // AHRF. 1990. N 281. P. 329.

² *Friguglietti J.* Albert Mathiez historien révolutionnaire (1874–1932). P., 1974.

³ *Матьез А.* Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995; *Он же:* Как победила Великая французская революция. М., 2001.

⁴ *Godechot J.* Un jury pour la Révolution. P., 1974. P. 301.

⁵ См.: *La Fontaine.* Le paysan du Danube // La Fontaine. Fables. T. 2. P., 1980. P. 174–178.

⁶ См., например: *Friguglietti J.* La querelle Mathiez-Aulard et les origins de la Société des études robespierristes // AHRF. 2008. N 353. P. 63–94.

⁷ *Gauthier F.* Albert Mathiez, historien de la Révolution française // AHRF. 2008. N 353. P. 97.

нием он воспринял и Октябрьскую революцию, а в 1920 г. вступил в ряды ФКП.

Матъез стал одним из первых историков Французской революции, занявшихся исследованием ее социально-экономического содержания. Из-за идейных расхождений относительно подходов к революционной истории он еще в 1907–1908 гг. порвал отношения со своим учителем Оларом⁸ и положил во Франции начало изучению роли «низов» в Революции⁹. Вклад самого Матьеза в разработку соответствующей тематики был относительно ограниченным¹⁰, однако намеченный им подход обусловил повышенное внимание к его творчеству со стороны советских историков, среди которых он в 20-е гг. пользовался непререкаемым авторитетом. Его книги не только удостоились пристального внимания одного из лидеров советской исторической науки академика Н.М. Лукина, регулярно публиковавшего на них рецензии в советских научных периодических изданиях, но и выходили в переводе на русский¹¹. Даже вступившие с ним в полемику на рубеже 1920–1930-х гг. советские историки признавали, что популярность его трудов в СССР была едва ли не выше, чем во Франции¹². В 1928 г. Матъез был избран иностранным членом-корреспондентом АН СССР. Можно согласиться с Т. Кондратьевой, охарактеризовавшей его как «уважаемого и признанного в то время властителя дум советских историков»¹³. И не только историков. Огромная популярность, которой он заслуженно пользовался среди советских читателей, позднее нашла свое отражение даже в художественной литературе. Оказавшийся в сталинской ссылке литературный герой А. Рыбакова А.П. Панкратов, выпускник Транспортного института, в 1935 г. просит у матери прислать ему из Москвы переведенные на русский язык книги Матьеза, наряду с книгами академиков Е.В. Тарле, Лукина и др.¹⁴

⁸ *Godechot J.* Op. cit. P. 297–299; *Friguglietti J.* Albert Mathiez historien révolutionnaire. P. 71–89; *Idem.* La querelle Mathiez-Aulard et les origines de la Société des études robespierristes. P. 63–94.

⁹ *Mathiez A.* La vie chère et le mouvement social sous la terreur. P., 1927. Эту книгу советские историки считали его лучшей работой. См. например: *Фридланд Ц.* «Казус» Матьеза // *Борьба классов.* 1931. № 1. С. 103.

¹⁰ *Soboul A.* Comprendre la Révolution. P., 1981. P. 294; *Idem.* La civilisation et la Révolution française. T. 2. La Révolution française. P., 1983. P. 31–32.

¹¹ *Матъез А.* Французская революция. Т. 1–3. Л., М., 1925–1930; *Он же:* Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М., 1928; *Он же:* Новое о Дантоне. М., 1928; *Он же:* Как побеждала Великая французская революция. М., 1928; *Он же:* Термидорианская реакция. М., 1931.

¹² Р. Авербух, В. Далин, Н. Фрейберг, С. Куниский, Н. Лукин, С. Моносов, Я. Старосельский, С. Завитневич. [Письмо к Альберу Матъезу] // *Полемика Альбера Матьеза с советскими историками 1930–1931 гг.* / Предисловие В.А. Дунаевского // *НиНИ.* 1995. № 4. С. 206.

¹³ *Кондратьева Т.* Большевики – яacobинцы и призрак термидора. М., 1993. С. 149.

¹⁴ *Рыбаков А.* Тридцать пятый и другие годы. М., 1989. С. 174.

Однако волею обстоятельств на рубеже 1920–1930-х гг. дружественные отношения Матьеза с советскими коллегами резко ухудшились и вскоре были окончательно порваны. Причины этого разрыва имели исключительно политическую подоплеку. Карьера Матьеза, профессионального историка, свидетельствует о том, что был он неравнодушен к событиям, происходившим на политической сцене как во Франции, так и далеко за ее пределами: даже в годы молодости он, по собственному признанию, «прокламировал невиновность» А. Дрейфуса¹⁵.

От взора Матьеза, пристально следившего за развитием событий в Советской России, не ускользнуло формирование в 1920-х гг. механизмов власти сталинского тоталитарного режима, сопровождавшееся крайней политизацией и идеологизацией советской историографии. Недовольный подобными переменами в стране Советов, приведшими к полному исчезновению там зачатков демократии, Матьез еще в 1922 г. вышел из рядов ФКП и порвал отношения с Третьим Интернационалом¹⁶. По мере упрочения в СССР тоталитарного режима, критика Матьеза стала звучать все громче. В начале 1930-х гг. он присоединился к протестам, с которыми его французские коллеги выступали против имевших место в СССР политических процессов¹⁷.

Больше всего советских историков озлобило выступление Матьеза в ноябре 1930 г. против репрессий, которым подвергся его друг Тарле¹⁸, арестованный в январе того же года по так называемому «академическому делу»¹⁹. Поддержка, оказанная Матьезом Тарле, которого он признавал «одним из историков, принесших наибольшую славу русской науке»²⁰, но которого советские историки-марксисты тогда считали не только «буржуазным историком», но и «контрреволюционером», участником «монархического заговора против советской власти»²¹, «классовым врагом на историческом фронте»²², не могла остаться ими не замеченной. Именно это выступление Матьеза послужило поводом для начала острой полемики между ним и советскими историками, в ходе которой, он резко осудил сложившуюся в СССР политическую систему

¹⁵ Письмо А. Матьеза Ц. Фридлянду от 20 декабря 1930 г. // Полемика Альбера Матьеза с советскими историками. С. 205.

¹⁶ Gauthier F. Op. cit. P. 97.

¹⁷ Ibid. P. 98.

¹⁸ Матьез А. Вести из Советской России // Полемика Альбера Матьеза с советскими историками. С. 210–211.

¹⁹ См.: Чапкевич Е.И. Евгений Викторович Тарле (1874–1955) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М., Иерусалим, 2000. С. 327.

²⁰ Матьез А. Вести из Советской России. С. 210.

²¹ См. например: Лукин Н.М. Альбер Матьез (1874–1932) // Историк-марксист. 1932. № 3 (25). С. 83–84.

²² См.: Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. М., Л., 1931.

как «тиранию», губительную для свободы и демократии²³. Под огнем его критики оказалась, в частности, советская историческая наука. Признавая советских историков всего лишь орудием в руках правительства, Матъез констатировал превращение советской историографии в «служанку лжи»²⁴, в априорную догму, «которая и является своеобразным марксизмом, понимаемым и применяемым на манер катехизиса»²⁵.

12 декабря 1930 г. Лукин и его ученики Р.А. Авербух, В.М. Далин, Н.П. Фрейберг, С.Д. Куниский, С.М. Моносов, Я.В. Старосельский и С.П. Завитневич обратились к Матъезу с открытым письмом, в котором подвергли резкой критике эволюцию его взглядов по отношению к СССР и советской марксистской науке²⁶. За этим обращением последовали критические статьи Лукина и некоторых его учеников, обрушившихся на Матъеза с ничем не обоснованными политическими обвинениями²⁷. Изменение его отношения к СССР и советской исторической науке эти «критики» связывали с успехами социалистического строительства, вызвавшими ненависть в капиталистических странах и повлиявшими на умонастроения и поведение мелкой буржуазии, к «представителям» которой причислили и Матъеза. Таким образом, вчерашние поклонники Матъеза обвинили его в присоединении к «общему антисоветскому хору», оказании услуг французскому империализму и переходе в лагерь врагов СССР²⁸.

В ходе этой, отнюдь не научной дискуссии²⁹ Матъез опроверг возложенные на него политические обвинения и квалифицировал своих оппонентов как «сталинских историков», «пророков» нового бога — Сталина, лишенных возможности «видеть правду»³⁰. Советские же историки, убежденные в том, что марксизм — «единственный метод, гарантирую-

²³ Письмо А. Матъеза Ц. Фридлянду от 20 декабря 1930 г. С. 204–205; *Он же*. Вести из Советской России. С. 207–210.

²⁴ *Матъез А.* Вести из Советской России. С. 205, 208.

²⁵ Цит. по: Лукин Н.М. Новейшая эволюция Альбера Матъеза // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 40.

²⁶ *Awerbuch R., Daline V., Freyberg N., Kounisski S., Loukine N., Monossov S., Starosselski J., Zavitnevitch I.* [Lettre à Albert Mathiez] // АНRF. 1931. № 2. Р. 149–151. См. также русский перевод: Полемика Альбера Матъеза с советскими историками. С. 205–207.

²⁷ Лукин Н.М. Указ. соч. С. 38–43; *Он же*: Альбер Матъез. С. 60–86; Фридлянд Ц. Указ. соч. С. 100–105; *Лотте С.* Робеспьерист в роли «левого» термидорянца. (Матъез как историк Великой французской революции) // Проблемы марксизма. 1931. № 8–9. С. 161–186.

²⁸ Лукин Н.М. Новейшая эволюция Альбера Матъеза. С. 42–43; Фридлянд Ц. Указ. соч. С. 100.

²⁹ См. об этом: *Friguglietti J.* Albert Mathiez historien révolutionnaire. Р. 210–216; Полемика Альбера Матъеза с советскими историками. С. 199–211; *Дунаевский В.А.* Николай Михайлович Лукин (1885–1940) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. С. 316–317; *Гордон А.В.* Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов, 2005. С. 93–96.

³⁰ Письмо А. Матъеза Ц. Фридлянду от 20 декабря 1930 г. С. 204, 205; *Он же*. Вести из Советской России. С. 208.

ший подлинное научное исследование событий конца XVIII в.»³¹, радостно согласились с такой, более чем лестной, на их взгляд, оценкой. Так, Ц. Фридлянд, констатировав «не только политическое, но и научное падение» Матьеза, выразил, тем не менее, ему свою признательность за этот, по его убеждению, комплимент: «Называя нас “сталинскими историками”, он тем самым утверждает, что наши исторические работы служат делу генеральной линии партии»³².

Острые критики Матьеза и в самом деле было направлено главным образом против политизации советской исторической науки, всецело превратившейся в послушное орудие власти. Скованные же «цепями» марксистской идеологии советские исследователи, по его словам, лишь «прославляли свое рабство»³³. Матьез, понимая неизбежно трагические последствия подобной ситуации для развития исторической науки, писал в этой связи: «В России Сталина нет больше места независимой исторической науке, науке свободной и беспристрастной, просто науке. История, в особенности ныне, лишь отрасль пропаганды»³⁴. Как верно заметил в этой связи А.В. Гордон, «нескрываемая ее (советской науки. — В.П.) идеологическая ангажированность обозначала не просто ее принадлежность к истаблишменту, но и искреннее желание полного отождествления с Властью»³⁵.

В данном отношении мне хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Во время Перестройки некоторые авторы, ссылаясь на этот пример и на выдвинутую советскими историками 1920–1930-х годов концепцию якобинской диктатуры, однозначно одобрявшую все имевшие место за годы Французской революции эксцессы, с язвительной иронией упоминали о трагической судьбе тех, кто, восхваляя Робеспьера или якобинский террор, сам вскоре стал жертвой сталинских репрессий³⁶. Писавшие это почему-то не задумывались над тем, что речь шла о коллективном менталитете целого поколения исследователей, над головой которых уже был занесен меч сталинизма.

В историографии Французской революции полемика Матьеза с советскими историками на протяжении десятилетий оставалась вне поля зрения исследователей. Зарубежные ученые не касались ее из-за своего незнания русского языка. Даже Годшо в обстоятельном очерке, посвященном жизни и деятельности Матьеза, ограничился лишь несколькими

³¹ Фридлянд Ц. Указ. соч. С. 104.

³² Там же.

³³ Матьез А. Вести из Советской России. С. 208.

³⁴ Там же. С. 210.

³⁵ Гордон А.В. Указ. соч. С. 95.

³⁶ См. например: Молчанов Н.Н. Монтаньяры. М., 1989. С. 555.

краткими строками, посвященными разрыву его отношений с советскими коллегами³⁷. В меру своих возможностей эту полемику осветил лишь Дж. Фригуглиетти³⁸.

Не лучше была ситуация и в советской науке, поскольку ее представители избегали обсуждения тех печальных событий, столь ярко высветивших идеологическую ангажированность марксистско-ленинской историографии. Советские историки, даже обращаясь к биографиям оппонентов Матьеца³⁹, обходили молчанием эту страницу их деятельности.

Одной из причин того, что полемика Матьеца с его советскими коллегами была предана в СССР почти полному забвению, стала также и эволюция взглядов советских историков-марксистов, включая тех, кто в свое время принял участие в дискуссии. Под влиянием произошедших после смерти Сталина перемен в Советском Союзе и трагических поворотов собственной судьбы некоторых из этих людей их отношение к зарубежным исследователям существенно смягчилось, особенно к историкам левого толка. Это, в частности, выразилось в проявлении почтительного отношения к памяти Матьеца со стороны его бывших оппонентов. Былые разногласия были скрыты завесой молчания. Характерно, что в начале 1960-х гг. составители собрания избранных трудов Лукина (А.З. Манфред, В.М. Далин и др.) сочли целесообразным включить в первый том этого издания только рецензии Лукина на книги Матьеца, написанные до разрыва их отношений⁴⁰, и воздержались от переиздания антиматьецевских выступлений академика.

Примечателен пример Виктора Моисеевича Далина. Ученик Лукина, он в 1920–1930-х гг. страстно выступал против любых отклонений от марксистской интерпретации Французской революции⁴¹ и в соответствии со своими научными и политическими убеждениями подписал вышеупомянутое коллективное письмо к Матьецу. А уже в 1970–1980-х гг. Далин как в устных выступлениях, так и при общении с учениками, тепло вспоминал о личных встречах с Матьецом во время своей единственной научной командировки во Францию в 1929–1930 гг. и называл его, наряду с Лукиным и В.П. Волгиным, одним из своих учителей⁴².

³⁷ *Godechot J.* Op. cit. P. 311.

³⁸ *Friguglietti J.* Op. cit. P. 210–216.

³⁹ См. например: *Манфред А.З.* Николай Михайлович Лукин // Европа в новое и новейшее время. Сборник статей памяти академика Н.М. Лукина. М., 1966. С. 3–20; *Гавриличев В.А.* Из истории изучения в СССР Великой французской революции. Наталия Павловна Фрейберг // Там же. С. 162–174; *Дунаевский В.А., Цфасман А.Б.* Николай Михайлович Лукин. М., 1987.

⁴⁰ *Лукин Н.М.* Избранные труды в трех томах. Т. 1. М., 1960. С. 218–229, 489–491, 491–496.

⁴¹ См. об этом: *Погосян В.А.* В окружении историков. Ереван, 2011. С. 21–22.

⁴² См.: *Оболенская С.В.* В.М. Далин – почетный доктор Безансонского университета // ФЕ – 1985. М., 1987. С. 310–311.

Именно Далин написал статьи о Матъезе для советских энциклопедий⁴³. При этом за долгие годы моего общения с Далиным, я ни разу не слышал, чтобы он хотя бы словом обмолвился о той полемике и тем более о своем участии в ней. Это была такая страница его биографии, которую он предпочитал не предавать гласности и которую обошел молчанием в своей книге об историках Франции⁴⁴. Однажды, летом 1983 г., в нашей беседе Виктор Моисеевич с большой досадой и сожалением упомянул о своем субъективном отношении к Тарле в те далекие годы. Полагаю, что столь же глубоко он сожалел и о своем выступлении против Матъеза.

Кроме того, упорное молчание советских историков о былой полемике с Матъезом могло быть вызвано и нежеланием их подвергать критике взгляды советских участников той дискуссии, пятеро из которых (Лукин, Фридлянд, Старосельский, Далин и С.А. Лотте) сами стали жертвами сталинских репрессий. Советские историки постсталинской эпохи прекрасно понимали, что резкая критика Матъеза их предшественниками и тем более выдвинутые против него неоправданные политические обвинения не выдержали испытания временем.

Да и ситуация в СССР 1960–1980-х гг. не благоприятствовала объективному научному анализу высказанной Матъезом критики реалий советской действительности 1920–1930-х гг. и, в частности, идеологической ангажированности советской науки. Последняя ведь, по существу, по-прежнему оставалась под диктатом государственной коммунистической идеологии, и критические замечания Матъеза сохраняли в целом свою актуальность в эпоху так называемого «застоя». В трудах советских историков, находившихся как и прежде в тисках жестокой цензуры, лишь однажды, да и то вскользь, было упомянуто о критике Матъезом той атмосферы, в которой развивалась советская историческая наука. Правда, сделано это было, как и прежде, в явно тенденциозном тоне. В биографии Лукина его ученик И.С. Галкин, воздерживаясь от обсуждения этой полемики по существу, фактически вновь выдвинул против Матъеза политические обвинения, отметив, что тот «дал неисторическую политическую оценку деятельности Советского государства, что привело к отчуждению между ним и Лукиным»⁴⁵.

Первые попытки объективного освещения полемики Матъеза с советскими историками были предприняты российскими историками лишь в постсоветский период. Отметим заслугу в этом В.А. Дунаевского, выступившего инициатором публикации в переводе на русский

⁴³ Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966. С. 185; Большая советская энциклопедия. Т. 15. М., 1974. С. 514–515.

⁴⁴ Далин В.М. Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981.

⁴⁵ Галкин И.С. Н.М. Лукин – революционер, ученый. М., 1984. С. 120.

язык материалов, проливающих свет на указанную дискуссию. Речь идет о ранее неиздававшейся переписке Фридлянда с Матьезом 1930 г., извлеченной из Архива РАН, и статье самого французского историка «Вести из Советской России», опубликованной в *Annales historiques de la Révolution française*, где он также поместил письмо своих советских оппонентов и петицию французских историков советским властям в защиту Тарле⁴⁶.

В предисловии к публикации В.А. Дунаевский вкратце обрисовал сложившуюся на рубеже 1920–1930-х гг. политическую обстановку в Советском Союзе, которая стала причиной крутого поворота в отношении Матьеза к СССР и советским историкам. По сути, В.А. Дунаевский принял первую в отечественной историографии попытку объективной интерпретации той полемики. Несмотря на сдержанность его критики в адрес участвовавших в дискуссии советских историков, автор тем не менее охарактеризовал их выступления против Матьеза как «крестовый поход» и отметил, что французский исследователь «справедливо усматривал победу догматизма в советской исторической науке». Задаваясь вопросом о том, чем в своем выступлении против Матьеза руководствовались советские историки, В.А. Дунаевский назвал в числе их мотивов личные убеждения, а также пронизывавшие советское общество догматизм и конформизм⁴⁷.

Не менее интересны наблюдения А.В. Гордона, обратившего внимание на исключительно политический характер дискуссии, не имевшей даже отдаленного отношения к научной полемике. Он, в частности, подчеркнул не только правоту Матьеза, но и понимание им такой фундаментальной особенности советской исторической науки, как идеологизация и искреннее желание полностью интегрироваться в систему власти⁴⁸.

Таким образом, время, единственно объективный и беспристрастный арбитр, высказалось в пользу Матьеза, предрекавшего еще в 1930 г.: «Истина, которую нельзя никогда задушить, всплывет на свет однажды, даже в России. Пусть она мне отомстит»⁴⁹. Истина отомстила, но не ему. Окончательно освободившись от идеологических оков и наконец-то получив возможность беспристрастно проанализировать ту дискуссию, отечественные исследователи подтвердили обоснованность суждений Матьеза.

За последние годы и во французской исторической науке наметились позитивные сдвиги в изучении полемики между Матьезом и советскими

⁴⁶ *Mathiez A. Choses de Russie Soviétique // AHRF. 1931. N 2. P. 149–155.*

⁴⁷ *Дунаевский В.А. Предисловие // Полемика Альбера Матьеза с советскими историками. С. 200, 202.*

⁴⁸ *Гордон А.В. Указ. соч. С. 95.*

⁴⁹ Письмо А. Матьеза Ц. Фридлянду от 20 декабря 1930 г. С. 205.

историками. В общих чертах она была освещена Т. Кондратьевой⁵⁰. Однако в специальной разработке этой темы пальма первенства здесь безусловно принадлежит известным исследователям Флоранс Готье и Янику Боску, обратившимся к этому недостаточно изученному французскими историками сюжету в предисловии переиздания книги Матьеза «Термидорианская реакция»⁵¹.

Сам факт переиздания книги Матьеза, впервые опубликованной в далеком 1929 г.⁵², свидетельствует о большом спросе, которым она и по сей день пользуется, и о неоспоримом значении вклада автора в изучение посттермидорианского периода Французской революции. В обстоятельном предисловии⁵³, авторы рассматривают деятельность Матьеза в разных ракурсах, подвергая его интерпретации основополагающих проблем Французской революции всестороннему критическому анализу. Освещаются также его разногласия с Оларом и с коллегами, в частности с Ж. Лефевром, по ряду ключевых вопросов трактовки термидорианского периода.

Значительное место авторы предисловия уделяют влиянию российской революции 1917 г. на Матьеза и эволюции его отношения к сталинскому режиму и советской науке. Неоспоримая заслуга авторов — анализ оригинального подхода Матьеза к революции 1917 г., которую он рассматривал, прежде всего, как аграрную, что, по их мнению, и побудило его после установления Советской власти приветствовать аграрные начинания большевиков и в 1920 г. провести аналогию между ними и якобинцами⁵⁴.

По словам авторов, отсутствие народного суверенитета и демократии в Советской России Матьез первоначально объяснял временно сложившейся ситуацией гражданской войны и надеялся, что таковые утвердятся после установления внутреннего мира. При этом Матьеза серьезно тревожила бюрократизация Советов, оказавшихся под полным контролем правящей партии большевиков⁵⁵. «На самом деле, — заключают авторы, — Альбер Матьез никогда не поддерживал диктатуры, вне зависимости от того, кем она осуществлялась — единственной партией, находящейся у власти, или верховным руководителем»⁵⁶. Выход Матьеза из ФКП авторы объясняют его глубокой уверенностью в том, что гражданам страны Советов присущ «рабский» менталитет, сложившийся в ре-

⁵⁰ Кондратьева Т. Указ. соч.

⁵¹ Mathiez A. La réaction thermidorienne / Introduction de Y. Bosc et F. Gauthier. P., 2010.

⁵² Mathiez A. La réaction thermidorienne. P., 1929.

⁵³ Bosc Y., Gauthier F. Introduction à la réédition // Mathiez A. La réaction thermidorienne. P. 7–54.

⁵⁴ Mathiez A. Le bolchévisme et le jacobinisme. P., 1920.

⁵⁵ Bosc Y., Gauthier F. Op. cit. P. 15.

⁵⁶ Ibid. P. 15–16.

зультате диктаторских устремлений партии большевиков, и нежеланием содействовать подобному нарушению суверенитета народа⁵⁷.

Крах дружественных отношений Матьеца с советскими историками, Боск и Готье связывают с поддержкой, оказанной им арестованному Тарле. Отношение Советской власти к этому выдающемуся историку стало, по мнению Матьеца, одним из ярких проявлений сути сталинизма⁵⁸. Однако, касаясь ситуации в советской науке того времени, авторы предисловия из-за незнания русского языка ограничиваются пересказом фактов, приведенных в книге Т. Кондратьевой. Напротив, анализ специфического отношения Матьеца к марксизму – одна из сильных сторон исследования Боска и Готье: «Не отклоняя марксистский метод, Матьец отвергал его догматические искривления», – пишут они⁵⁹.

В заключение отметим, что авторы предисловия в целом заполнили одно из белых пятен французской историографии, предприняв в меру своих возможностей первый во Франции опыт обсуждения полемики Матьеца с советскими историками, вызывающей и в наши дни неугасающий интерес.

⁵⁷ *Bosc Y., Gauthier F.* Op. cit. P. 16.

⁵⁸ *Ibid.* P. 17.

⁵⁹ *Ibid.* P. 20.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>